

ВСЛУХ

Стихи про себя

Александр Гаврилов
Вслух. Стихи про себя

«Издательские решения»

Гаврилов А.

Вслух. Стихи про себя / А. Гаврилов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834625-5

Программа «Вслух. Стихи про себя» на канале «Культура» — единственный телепроект, целиком посвящённый современной поэзии. В книгу вошли лучшие стихи сезона 2016 года. Поэзия снова заговорила с нами вслух — голосами 38 поэтов. Михаил Ерёмин, Псой Короленко, Владимир Аристов, Виталий Кальпиди, Иван Жданов, Александр Кушнер и другие раскрывают многообразие современной поэзии. А комментарии ведущего программы Александра Гаврилова помогут в этом многообразии не заблудиться.

ISBN 978-5-44-834625-5

© Гаврилов А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	9
Поэт и поколение	12
Иван Жданов	13
Арестованный мир	13
Двери настежь...	14
Е.С.	14
Памяти сестры	15
Андрей Родионов	16
25 октября	16
13 ноября	16
7 января	16
11 января	16
26 января	17
4 февраля	17
5 февраля	17
12 мая	18
22 мая	18
Галина Рымбу	19
«Это не война» – сказал в метро один подбритый парень...»	19
«они ткут целый день, ткут и ткут снова 14 век...»	20
«разъясняющая всё кровь животных...»	21
Полина Репринцева	23
«Открытый настежь человек сидит на кухне...»	23
«давай, Расскажи мне, что изоляция...»	23
«Полная остановка времени в терминале...»	24
«Голоса собачьи бесприютные...»	24
Поэт и питер	27
Александр Кушнер	28
«Ко мне Он не сходил с Синайской высоты...»	28
«Долго руку держала в руке...»	28
«Гертруда ...»	29
Владимир Беляев	30
«трать слова-слова, бесстыжий мой...»	30
«они все проходят через рамки металлоискателей...»	30
«скоро меня встретят —...»	30
«...и вот, да, и приходит, и говорит, и темница слагается...»	31
Ольга Баженова	32
«Дробленный, пегий, пергидрольный...»	32
«цериевый блеск горбов морских...»	33
«слышен...»	33
«И ласточки – ресницы Бога?.. —...»	34
«к жестким углам – черного мира...»	34
«вразброс по облакам – звери какой-то зари...»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Вслух. Стихи про себя
Александр Гаврилов
Иван Жданов
Андрей Родионов
Галина Рымбу
Полина Репринцева
Александр Кушнер
Владимир Беляев
Ольга Баженова
Ольга Логош
Александр Скидан
Владимир Аристов
Дана Курская
Михаил Чевега
Псой Короленко
Александр Маноцков
Роман Рубанов
Василий Уриевский
Александра Мочалова
Виталий Кальпиди
Кирилл Корчагин
Наталия Азарова
Андрей Тавров
Павел Пепперштейн
Анна Черкасова
Кристина Азарскова
Евгения Тидеман
Инна Амирова

- © Александр Гаврилов, 2016
- © Иван Жданов, 2016
- © Андрей Родионов, 2016
- © Галина Рымбу, 2016
- © Полина Репринцева, 2016
- © Александр Кушнер, 2016
- © Владимир Беляев, 2016
- © Ольга Баженова, 2016
- © Ольга Логош, 2016
- © Александр Скидан, 2016
- © Владимир Аристов, 2016
- © Дана Курская, 2016
- © Михаил Чевега, 2016
- © Псой Короленко, 2016
- © Александр Маноцков, 2016
- © Роман Рубанов, 2016
- © Василий Уриевский, 2016
- © Александра Мочалова, 2016
- © Виталий Кальпиди, 2016
- © Кирилл Корчагин, 2016
- © Наталия Азарова, 2016
- © Андрей Тавров, 2016
- © Павел Пепперштейн, 2016
- © Анна Черкасова, 2016
- © Кристина Азарскова, 2016
- © Евгения Тидеман, 2016
- © Инна Амирова, 2016
- © Михаил Ерёмин, 2016
- © Николай Кононов, 2016
- © Иван Старостин, 2016
- © Сергей Петров, 2016
- © Марк Тарловский, 2016
- © Елена Ширман, 2016
- © Илья Тюрин, 2016
- © Сергей Королёв, 2016
- © Леонид Шевченко, 2016
- © Сергей Казнов, 2016
- © Алексей Сомов, 2016
- © Борис Кутенков, 2016
- © Юлия Лукьянчук, дизайн обложки, 2016
- © Юлия Лукьянчук, иллюстрации, 2016

Редактор Анна Симонаева

Редактор Анна Семихина

Редактор Александра Шилко

Редактор Анастасия Колесникова

Редактор Лейла Тураянова

Редактор Олег Гаврилец

ISBN 978-5-4483-4625-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Теплой весной 2011 года у меня зазвонил телефон; неведомый женский голос звал встречаться. Оказалось, что «Авторское телевидение» – студия, к чьим работам я привык относиться с восторгом – договорилось с каналом «Культура» о том, что они тоже попробуют сделать программу о современной поэзии. «Тоже» не в том смысле, что такая программа уже существовала, а в том, что другие уже пробовали, но без особого успеха. И вот теперь за дело брался сам Малкин. Анатолий Григорьевич – великий телевизионный продюсер, человек, ухитряющийся энергичную оптимизацию расходов сочетать с рыцарственной преданностью телевидению смыслов. Это странная и сложная роль. Программы, которые он создает, даже если они выматывают всех сотрудников насухо, позволяют людям долгие годы гордиться тем, что они сделали вместе.

Женщина, которая мне позвонила, была Людмила Сатушева, – бессменный шеф-редактор программы «Вслух». Люся пришла и сказала: «Мы хотим делать программу, мы спрашивали у разных поэтов, и все говорили нам – „С этим на одном поле не сядем, про этого вообще нечего разговаривать, этот злодей, этот негодяй“. И единственная фигура, к которой ни у кого не было существенный претензий это, Саша, Вы. Соглашайтесь, будете ведущим». И я согласился.

Телевидение – очень просто выстроенный балаган: либо в нем есть столкновение эмоций, либо на экране ничего не происходит. Кроме того, на современной русской культуре очень различим отпечаток 1960-х, десятилетия культурной экстраверсии, со стадионными читками Евтушенко и Вознесенского, с читками до утра у памятника Маяковскому. Поэтому всем очень хочется и кажется естественным, чтобы поэты бились за право называться королем.

По счастью, мы хорошо понимали, что никакого ристалища, никаких гладиаторских боев не может быть. Так не работает культура, так не работает поэзия. Об этом замечательно написал Мандельштам в эссе «О природе слова»: «Никакого „лучше“, никакого прогресса в литературе быть не может, хотя бы потому, что нет никакой литературной машины и нет старта, куда нужно скорее других доскакать». Лермонтов не отменяет Пушкина, «Волшебная гора» Томаса Манна ничем не лучше и не хуже «Одиссеи» Гомера.

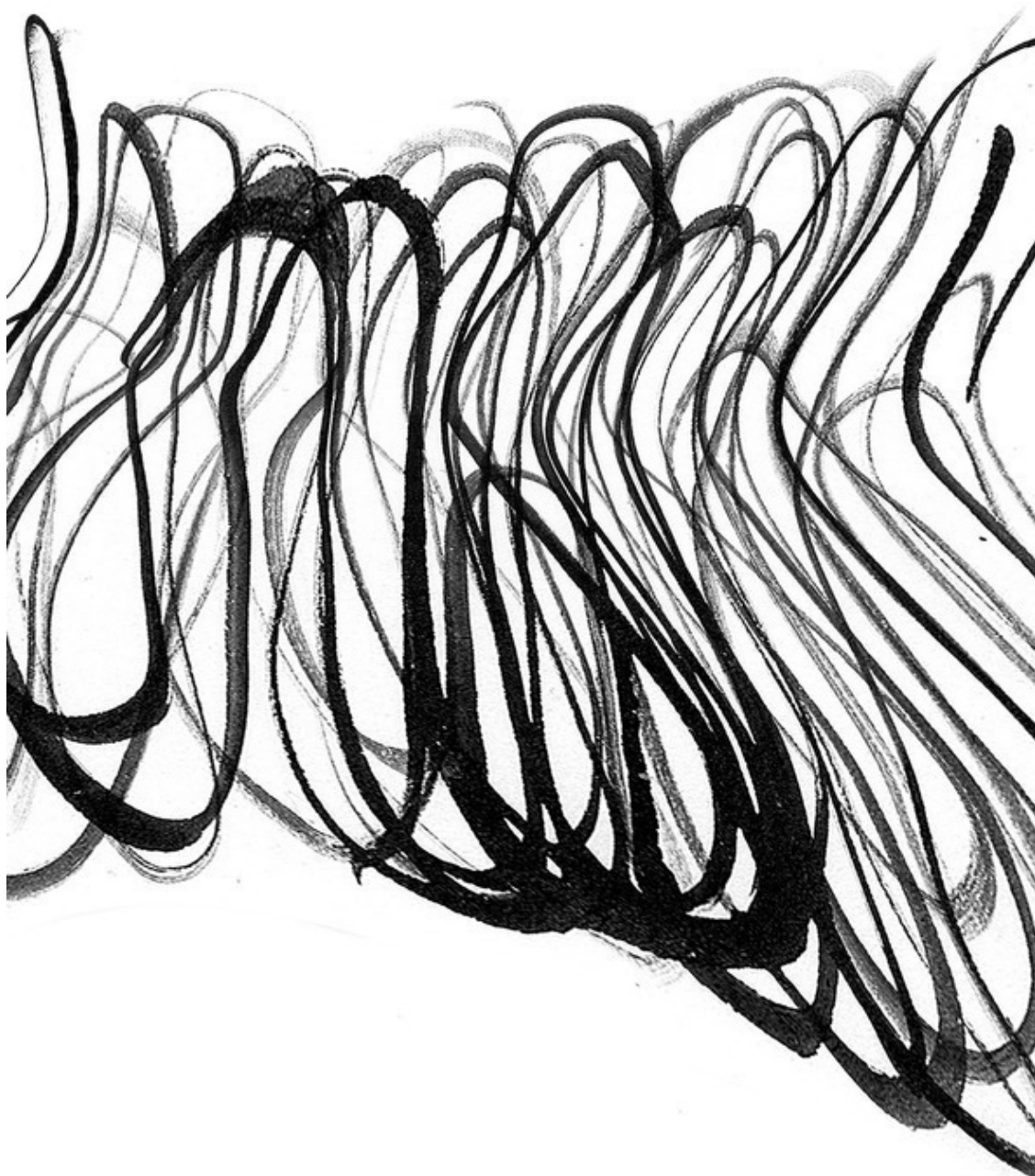
Вместе с Люсей мы придумали для программы формат «как-будто-бы-состязания». Для каждой программы мы довольно условно выбираем тему «Поэт и...» что-нибудь: «Поэт и его семья» или просто «Семья», «Поэт и творец мироздания», «Поэт и театр», «Поэт и Пушкин». Два старших поэта (условно говоря «старших», на этих креслах бывали люди очень юные) говорят о том, как устроена их собственная жизнь в поэзии и как в тех или иных аспектах они взаимодействуют с внешним миром. А два, условно говоря, молодых поэта (например, молодым поэтом в этой программе был Аркадий Моисеевич Штыпель, родившийся в 1944 году) – два условно молодых поэта читают перед публикой, мэтры дают им советы, если молодые поэты в таких советах нуждаются, после чего мы проверяем, на что способна публика. Вот два молодых поэта: кого публика смогла услышать? И тот прочитает им в подарок заключительное стихотворение программы.

Уже делая эту программу, я с восхищением констатировал какой невероятный цветник – сегодняшняя русская поэзия. В ней одновременно работают десятки литературных направлений, сложно «переопыляющих» друг друга. Это культурное состояние, схожее с знаменитым серебряным веком. Никаким шестидесятым, никаким семидесятым, никаким тридцатым не снилось ничего похожего на то, что происходит в сегодняшней русской поэзии.

Но было и неприятное открытие: это изобилие обернулось очень большой раздробленностью: даже поэты одного поколения редко слышат друг друга. Люди, входящие в поэзию, часто предпринимают этот шаг без существенного багажа. Поэты советских времен, не вошедшие в школьную программу, даже великие, как Арсений Тарковский, или Давид Самойлов, или Николай Рубцов, или Юрий Кузнецов, сегодняшними, активно живущими поэзией молодыми людьми, редко оказываются прочитаны. Я ожидал, что мы будем работать с гораздо более компактным сообществом, в котором плюс-минус все за всеми в пол глаза приглядывают. Нет, это не так. Это кошачья стая. В испанском языке есть такая идиома – пасти котов, и параллельная ей – кошачий пастух. Сейчас это чаще всего употребляется в значении «управление творческими проектами»: когда каждый идет куда-то, куда ему заблагорассудилось, но в принципе скоты должны двигаться плюс-минус в одну сторону. Современная русская поэзия – это огромная, очень красивая стая котов, каждый из которых ходит сам по себе. Но мне кажется (и мне хотелось бы надеяться), что отчасти наш проект помогает тому, чтобы поэты увидели друг друга.

За пять лет программы мы показали российскому зрителю больше 150 поэтов. От Ивана Жданова до Михаила Еремина, от Евгения Евтушенко до Веры Полозковой, от Валентина Гафта до Ольги Седаковой. Станным образом, отчасти из-за большой рассеянности современной культуры, отчасти из-за девальвации поэтического слова как такового, всякий раз, когда я разговариваю с людьми о современной поэзии, люди готовы скорее к тому, что я буду говорить об упадке. «Где наш Пушкин? Где наш Некрасов? Где наш хотя бы Евтушенко?» (хотя он еще вполне себе жив), – восклицают читатели поэзии прошлых лет. А я вынужден свидетельствовать, с восхищением и благодарностью, грандиозный расцвет, очень сложное цветение. Массового читателя, видимо, больше всего устраивал бы одинокий цветок гвоздички, торчащий из зеленой клумбы: все вместе идем и читаем одного единственного Бродского (или Рождественского), а больше никого не читаем. Но то, что вижу я, больше всего похоже на усыпанный гроздьями куст сирени, где каждый цветок цветет отдельно и они покрывают огромное пространство этим кипением красоты.

Александр Гаврилов

Поэт и поколение

Когда мы, читатели и историки литературы, смотрим на поэтические движения, нам часто кажется, что поэты появляются не поодиночке, а обоями. Мы предполагаем, что для акмеистов важен был не только их собственный круг, литературное направление, но и та среда в целом, которая сформировала их и которая была сформирована ими.

Эта гипотеза не всегда подтверждается хотя бы потому, что мы знаем примеры великих и абсолютно одиноких поэтов.

В этом выпуске программы мне очень повезло, потому что четыре поэта, которые представили свои стихи и свои соображения, не только принадлежали принципиально разным поколениям, но и реализовывали каждый принципиально иную стратегию. Иван Жданов появился как поэт поколения – его читатели, его подражатели, его товарищи по группе метафористов были объединены с ним поколенческими связями. Андрей Родионов появился абсолютным одиночкой. Галина Рымбу сформировала в некотором смысле поколение, сделалась его лицом и лидером, не имея этого в качестве цели – это стало результатом её активной общественной деятельности. Наконец, Полина Репринцева, поздно зазвучавший поэтический голос, в своём поколении не укоренённый никаким образом, если говорить и о поколении биологическом, и о поколении литературном. Те, кто посмотрят программу в интернете увидят, до чего мы договорились. А пока – эти четыре подборки.

Иван Жданов

Арестованный мир

Я блуждал по запретным опальным руинам,
где грохочет вразнос мемуарный подвал,
и, кружа по железным подспудным вощинам,
пятый угол своим арестантам искал.
Арестанты мои – запрещенные страхи,
неиспытанной совести воры,
искуплений отсроченных сводни и свахи,
одинокства ширмы и шоры.
Арестанты – уродцы, причуды забвенья
и мутанты испуганной зги,
говорящей вины подставные мишени
и лишенные тыла враги.

И, заблудшим убийствам даруя просторы,
неприкаянным войнам давая надел,
я, гонитель-чужак, на расправу нескорый,
отпустить их на волю свою не сумел.
Я их всех узаконил музейным помещьем,
в каталог арестантов отправил.
Но для них я и сам нахожусь под арестом,
осужденный без чести и правил.
Ничему в арестованном небе предела
не дано никогда обрести.
И какое там множество бед пролетело,
не узнают по срезу кости.

Но растянутый в вечности взрыв воскрешенья
водружает на плаху убийственный трон.
проводник не дает избежать продолженья
бесконечной истории после времен.
Западней и ловушек лихие подвохи
или минных полей очертанья —
это комья и гроздь разбитой эпохи,
заскорузлая кровь мирозданья.
Если б новь зародилась и было б довольно
отереть от забвенья чело...
Но тогда почему воскрешение больно,
почему воскресенье светло?

Двери настежь...

Лунный серп, затонувший в Море Дождей,
задевает углами погибших людей,
безымянных, невозвращенных.
То, что их позабыли, не знают они,
по затерянным селам блуждают огни
и ночами шуршат в телефонах.

Двери настежь, а надо бы их запереть,
да не знают, что некому здесь присмотреть
за покинутой ими вселенной.
И дорога, которой их увели,
так с тех пор и висит, не касаясь земли, —
только лунная пыль по колена.

Между ними и нами не ревность, а ров,
не порывистой немощи смутный покров,
а снотворная скорость забвенья.
Но душа из безвестности вновь говорит,
ореол превращается в серп и горит,
и шатается плач воскресенья.

Е.С.

Если птица – это тень полета,
знаю, отчего твоя рука,
проводящая, отпустить кого-то
невольна совсем наверняка.

Есть такая кровь с незрячим взором,
что помимо сердца может жить.
Есть такое время, за которым
никаким часам не уследить.

Мимо царств прошедшие народы
листобоем двинутся в леса,
вдоль перрона, на краю природы,
проплывут, как окна, небеса.

Проплывут замедленные лица,
вкрикнет птица – это лист падет.
Только долго, долго будет длиться
под твоей рукой его полет.

Памяти сестры

Область неразменного владенья:
облаков пернатая вода.
В тридевятом растворясь колене,
там сестра все так же молода.

Обрученная с невинным роком,
не по мужу верная жена,
всю любовь, отмеренную роком,
отдала вечности она.

Как была учительницей в школе,
так с тех пор мелок в ее руке
троеперстием горит на воле,
что-то пишет на пустой доске.

То ли буквы непонятны, то ли
нестерпим для глаза их размах:
остается красный ветер в поле,
имя розы на его губах.

И в разломе символа-святости
узнается зубчатый лесок:
то ли мел крошится, то ли иней,
то ли звезды падают в песок.

Ты из тех пока что незнакомок,
для которых я неразличим.
У меня в руке другой обломок —
мы при встрече их соединим.

Андрей Родионов

25 октября

Сидим с женой в аэропорту Кольцово
А тут Мамлеев принял смерть
Пишем сценарий по стихам Пригова Бродского и Рубцова
Они ровесники, а он их старше всех

Длиннее путь его, чем у поэтов был
И дальше пусть бы жил, но видно надо
Мамлеева мне жалко и я его любил
За отношение теплое ко аду

13 ноября

Сегодня ночью проезжал Мытищи
И вдруг увидел я среди множества строений
Давно покинутое мной жилище
Средь хвойных и безлиственных растений

Что там теперь, в той сказочной Перловке,
По-прежнему ли по ночам в тумане
Плывут по Яузе светящиеся лодки
Наполненные бледными тенями

7 января

Ехали через ельник
Катя, сегодня сочельник
Когда мы проедем его
Будет уже Рождество

Люди нашего круга,
Волшебники, короли,
Пастухи сказали друг другу
Пойдём в Вифлеем, пошли

11 января

Ты сказала утром мне
Знаешь, умер Девид Боуи
И весь день я в тишине
В небеса смотрю на боинги

Девид Боуи поёт
И мне хочется подпеть ему
Самолету самолёт
Все там будем, в Шереметьево

26 января

Шёл я вдоль кладбища в Перми,
Вдруг женщина. Простите, мама,
Ответьте мне, плиз, ансвер ми,
А где здесь Кама?

Но женщина на этот микс
Из чёрной ямы
Ответила: здесь только Стикс,
Здесь нету Камы

4 февраля

Сугробики едут в камазике
На снегоплавильный завод,
Идёт себе тихо вдоль Яузы
Нетрезвенький пешеход

Идёт и живой и здоровенький,
А вы поезжайте туда.
Сугробики едут, сугробики,
Сугробики, господа

5 февраля

Я ночью шёл старой Москвой
И видел лофты
Окна светились надо мной,
Эх, лох ты, лох ты,

В моей бутылке булькал спирт,
А в ваших стёклах,

Как будто мир, в горшочках мирт,
Комарикдохлый

12 мая

Я видел девушку в метро
С повязкою гриппозной,
А под повязкою хитро
Скрыт синячок серьёзный

Но всем беда её видна
Безжалостно и точно,
Как будто ехала она
С пикетом одиночным

22 мая

Отец последние пару лет жизни пил
В вагончике под Дмитриевым, он называл его «вилла»,
Точно в таком же в фильме Килл Билл
Жил брат Билла

Моя жена ему говорила: Вы один в лесу,
Заведите козу, чтоб не спиться,
Отвечал отец – мне нельзя козу,
Я могу влюбиться

Галина Рымбу

«Это не война» – сказал в метро один подбритый парень...»

«Это не война» – сказал в метро один подбритый парень
другому парню, бритому наголо.
«Нет, не война, – говорят аналитики, – так, кое-какие действия».
«Территория происходящего не вполне ясна», – констатируют
в темноте
товарищи.
«Война – это иначе», – сказал, обнимая, ты. «Можно
не беспокоиться», —
с уверенностью говорят правительственные чиновники в прямой
трансляции
по всем оставшимся телеканалам, но кровь
уже тихо проступает на их лбах, возле ушных раковин —
тонкие струйки, пока изо рта не забьёт фонтан.
Мы договаривались
сидеть тихо, пока не поймём, что происходит. Ясности
не прибавилось
и спустя 70 лет, ясности не прибавилось.
Тревога, тревога, оборачивающаяся влечением. Множество
военных конфликтов
внутри, во рту, в постели; в одном прикосновении к этому –
терпишь крах.
Настойчиво-красным мигают светофоры, навязчиво-красные
флаги
заполнили улицы одной неизвестной страны. Смутные
мертвецы,
обмотанные георгиевскими ленточками, сладкие мумии
в опустевших барах
и ресторанах
приятный ведут диалог – о возможности независимого
искусства и
новых форм,
о постчеловеческом мире, о сыре и вине, которое растопит
наши сердца, сердца «отсталых». Пока вирус окраин, вирус
границ
уже разрушает их здравый ум, милый разум. Вот вопрос —
Сколько сторон участвует в этой войне сегодня?
Не больше и не меньше, не больше и не меньше. Прозрачный
лайнер
пересекает границы нескольких стран. Внутри – раздувшиеся
от жира и
страха правители

смотрят вниз, над чёрными тучами гнева и ненависти,
совершая последний круиз. Те требования, что выдвинуты
против нас,
с гулом проваливаются в тёмный пустой пищевод.
Орудия, направленные внутрь себя. Внешние конфликты —
во множественных
разрезах, провалах, паралич памяти, страх рождения — всё
собирается
в единый момент.
Мёртвых птичек России и Украины внесли теперь на досках
сырых.
Скелеты валют на мёртвой бирже, материя, плотно осевшая
в ночи мира... —
Снова знакомые песни услышу я,
Снова весенние улицы боевых полны антифа.
Снова могу любить тебя,
Снова и снова, пока не исполнится миром ночь мира,
Не откроется наша победа.

«они ткут целый день, ткут и ткут снова 14 век...»

они ткут целый день, ткут и ткут снова 14 век,
ткань льется вниз, словно грязь всего времени,
грязно-дымчатое государство.

он бьет по ткани рукой, выбивая круги,
бьет по ткани рукой, получается флаг,
и так, что значение флага говорит одно: по мне били рукой.

он бьет рукой по животу на смутном празднике,
как на собственном юбилее,
куда пришли все родственники, заводские стоят,
закрыв глаза, и дочь несет к столу хрусталь,
полный кислых солений, мокрых кубиков
чуть подпорченной рыбы, воды. в какой-то момент
он говорит как будто бы тост: «чтобы быть живым
я должен теперь взять имя мертвого»

они ткут целый день и ночь уже без людей
в пустом цеху освященном синим сиянием баннеров,
перебежками красных иероглифов на окне, желанием
трудящихся,
ткнут блестящую ткань без значения,
которую мы носим здесь, из которой сделаем флаг,
он говорит одно: то, что был сделан без участия мыслей и рук.

ты должен держать речь. но я не могу ее удержать, к тому же
давно надоел язык,
болтается во рту школьной тряпкой, и не поймешь,
то ли ржешь, то ли треплешься и ешь одновременно,
стоя в луже у супермаркета, уже нигде ни кого не ждешь.
я как бы сказала как бы сказал как все было если чё как бы где...

мощные вязкие ткани плывут из другого мира
в объезд горячих точек, как рулоны войны, также полные форм,
существ, насекомых, лежат, сжимаясь, все в пятнах и не новы.
универсальное тело на берегу кокетливо их встречает,
чтобы надеть, завернуться, укрыть,
стать нацией ворса, джинсы, острых катышек,
алый скидочный ковролин уже выстелил новый мир, другое
внутри,
друзья «понаехали», вошли в наш дом и легли на пол,
обнялись во сне, спят вздрагивая.
что им снится? стрельба, девушки в джинсах-дудочках,
вплывающие в раскрытый темный гараж,
или свет на рыночном дне,
лучом разбивающий дыни.

«разъясняющая всё кровь животных...»

разъясняющая всё кровь животных

политика: животные в хижине решают как быть

ветерок в волосах смуглых животных

утробные крики белых слонов

двигаясь внутри экономических систем,

сбрасывая кожу, роняя шерсть

«критика чистого разума» рассечена когтем

половые акты в лагуне, тёмная жидкость, всхлипы...

смерть на острие памяти

старый вожак в утеплённом гробу перенесён через сибирскую
степь

на синих фуфайках фрагментарные следы охоты, яростное
цветение фонем

чувственные раны на тёплом мясе в глухом сознании овода

в холодные зимы мы собирались сами
звонили из хижины отсутствующим друзьям
создали лес советов, гаремы режимов
и только один вышел жить

этика: хотят есть
свершаясь в мертвенных знаках

Полина Репринцева

«Открытый настезь человек сидит на кухне...»

Открытый настезь человек сидит на кухне.
Открытый настезь человек считает птиц.
Он скоро рухнет, говорю тебе, он рухнет.
Быть может, вверх. Необязательно, что вниз.
А этот дом к нему прилип – вторая кожа:
Холодный пол, холодный свет, пустой чердак.
И скоро дом очеловечится, быть может.
А человек? Необязательно, что так.

«давай, Расскажи мне, что изоляция...»

давай, Расскажи мне, что изоляция
приносит пользу.
что на мертвом поле сношений
повсюду – гильзы.
что расстояние между людьми —
наш главный козырь.
что принадлежу
к литературнейшей из гильдий.

давай, Расскажи, как в группе
анонимного понимания
вскользь обсуждается жизнь,
которую мы не.
но речь – порождение беса,
и в топку такую магию.
поэтому молча ищем
иглоку на простыне.

рассказывай однозначней,
я слушаю некриливо.
все буквы твои черны,
твой рот выпускает кольца.
и там, где упало слово —
прорастает текст торопливо.
и самое страшное,
этому гаду не нужно солнца.

мне дышится очень долго,
а воздух украден – спертый,

и мой домовый с похмелья
зовет себя цифровым.
но прежде чем ты решишься
еще раз восстать из мертвых,
убедись, что тебе
действительно
понравится
быть живым.

«Полная остановка времени в терминале...»

Полная остановка времени в терминале
Сверху завял букет из железных прутьев.
Быт сжимается до операции по безналу,
Бытие – до дыхания полной грудью.

Дрожь облаков, турбины протяжный вопль.
Сходит с лица бесполезного грима жижа,
Сколько же нужно выпить сегодня, чтобы
Зеркалом стать, самим себя отразившим.

Скоро покажется из-под крыла пырея
Желтая рябь, уголья сухого стебля.
Глянцевый скальп фюзеляжа как будто прееет
В тщетном стремлении слиться со степью.

Ветер завыл, спотыкаясь о каждый камень,
Гимн исчезающим из головы вопросам.
Видишь: вот здесь станцевала однажды Кали,
Так разошлась, что за воздух пришлось бороться.

В полупустыне схлопывается сознание,
Плоскость вальсирует, не оставляя шанса,
Взять и прийти в себя, не повиснув на небе,
И до пылинки крошечной не ужаться

Между песком, рекою да рыбаками.
Город непобежденных, нет, не прошу остаться,
Дай мне сыграть в этот раз небольшое cameo,
Прошное развернув, словно декорацию.

«Голоса собачьи бесприютные...»

Голоса собачьи бесприютные
Жалобно шкварчат на дне оврага.

Кто бы вас, родные, убаюкал бы?
Мнется корка – снежная бумага,

Под неугомонными подошвами
Тех живых, что трутся вдоль ограды.
Впору землю рыть столовой ложкою:
Пепел к пеплу, черт за черта, брат на брата.

Мимо катится карета ФСИНы,
В ней сидят порядок да закон.
Обожги скорей мне руки, псина,
Розовым колючим языком,

Не скули, отступит непогода,
Потеплеет – сохранишь свой хвост.
Радуйся, метафора народа.
Ведь на то оно и Рождество.

Поэт и питер

Россия – страна огромной протяженности, населенная не слишком плотно. Это налагает на неё некоторые географические обязательства – в ней часто города становятся сами по себе культурными феноменами. Безусловно, таким феноменом является Москва, скорее всего, Екатеринбург, я почти уверен, что Владивосток. Но культурный статус всех этих городов вместе взятых не может сравниться с тем, что такое Петербург на культурной карте России и Европы. Петербург становился героем великих романов 19 века, Петербург описывал как отдельного персонажа Гоголь, конечно, никакого Блока не было бы, если бы не Петербург. Станным образом, это город, который в культурном смысле никогда не равен самому себе – город, который всегда больше самого себя. Поэтому мы осмелились в этом выпуске задать такую тему – «поэт и Петербург».

Считается, и в программе это мнение озвучивается, что питерские поэты отличаются от московских, Ахматова и Гумилев от Цветаевой и Пастернака, тем, что питерские поэты гораздо более строгие, тяготеющие к классицизму и ясности формы, а московские поэты – более эмоциональные и расхристанные. В этом смысле Бродский, безусловно, питерский поэт, не только по географии, но и по творческому методу, а Вознесенский, например – московский.

Александр Семенович Кушнер, который украсил собою эту программу, один из, с одной стороны, старейших, а с другой – неумолчнейших российских поэтов, обращается с этой исторической и культурной памятью с царственной небрежностью – он её принимает на равных. Хотя каждый поэт должен быть оборудован ощущением собственного величия, не всякий поэт может себе такое позволить – всё-таки, великие тени гнетут почти всех. В этом смысле интересно, что и для Ольги Баженовой, и для Ольги Логош, юных участников этой программы, стратегиями стало скорее избегание, незамечание. Но особенно интересный способ работы с этим культурным грузом избирает для себя Владимир Беляев, житель Царского села. Беляев начинал как подлинный питерский поэт: с возведением своего почерка к классицизму, с очень чистым и звонким звуком, а потом сам сознательно, по выбору, от всего этого отказался, уйдя в пространство эксперимента, потому, что счёл такой способ использования прежде наработанных техник игрой в поддавки. Двигаться в пространстве без границ, с ободранной кожей и обнаженными чувствилищами дело гораздо более мучительное, гораздо более сложное, и гораздо более результативное. Может быть, не всегда для слушателя, но всегда – для самого поэта.

Александр Кушнер

«Ко мне Он не сходил с Синайской высоты...»

Ко мне Он не сходил с Синайской высоты,
и снизу я к Нему не поднимался в гору.
Он говорил: смотри, Я буду там, где ты
за письменным столом сидишь, откинув штору.
И Он со мною был, и Он смотрел на сад,
Клубящийся в окне, не говоря ни слова.
И я Ему сказал, что Он не виноват
ни в чём, что жизнь сама угрюма и сурова.

Но в солнечных лучах меняется она —
и взгляд не отвести от ясеновой кроны,
что в мире есть любовь, что в море есть волна,
мне нравятся её накаты и наклоны.

Ещё я говорил, что страшен меч и мор,
что ужаса и зла не заслонят листочки,
но радуют стихи и тихий разговор,
что вместе люди злы, добры — поодиночке,
что чудом может стать простой стакан воды,
что есть любимый труд и сладко пахнет липа,
что вечно жить нельзя, что счастье без беды
сплошным не может быть, и Он сказал: спасибо.

«Долго руку держала в руке...»

Долго руку держала в руке
И, как в давние дни, не хотела
Отпускать на ночном сквозняке
Его легкую душу и тело.

И шепнул он ей, глядя в глаза:
Если жизнь существует иная,
Я подам тебе знак: стрекоза
Постучится в окно золотая.

Умер он через несколько дней.
В хладном августе реют стрекозы
Там, где в пух превратился кипрей, —
И на них она смотрит сквозь слезы.

И до позднего часа окно
Оставляет нарочно открытым.
Стрекоза не влетает. Темно.
Не стучится с загробным визитом.

Значит, нет ничего. И смотреть
Нет на звезды горячего смысла.
Хорошо бы и ей умереть.
Только сны и абстрактные числа.

Но звонок разбудил в два часа —
И в мобильную легкую трубку
Чей-то голос сказал: «Стрекоза»,
Как сквозь тряпку сказал или губку.

.....

Я-то думаю: он попросил
Перед смертью надежного друга,
Тот набрался отваги и сил:
Не такая большая услуга.

«Гертруда ...»

Гертруда :
Вот он идет печально с книгой, бедный...

Какую книгу он читал, об этом
Нам не сказал Шекспир — и мы не знаем.
Читал! При том, что сцена грозным светом
Была в то время залита; за краем
Земного мира тоже было мрачно,
Там бледный призрак требовал отмщенья.
И все же — с книгой, с книгой! Как удачно,
Что мы его застали в то мгновенье.

А в чем еще найти он утешенье
Мог, если все так губительно и дико?
И нам везло, и нас спасало чтение,
И нас в беде поддерживала книга!
Уйти отсюда в вымысел заветный
Хотя б на час, в другую обстановку.
«Вот он идет печально с книгой, бедный»,
Безумье отложив и маскировку.

Владимир Беляев

«трать слова-слова, бесстыжий мой...»

трать слова-слова, бесстыжий мой,
видишь, как их много стало.
заверни с собой, неси домой —
сигнатуры прячь под одеяло.
травлю звуков, очумелые флажки,
в воздух опрокинутую мнимость.
с музыки отвальной отвали мешки
и чего еще скажи на милость.
воскресенье — голос — птичий куст,
сладкая закваска шила-мыла,
день менялся, мялся, оставался пуст,
и чужая речь тебя кормила.
что прохожий там — от слова легче стал,
даже как-то распрямился.
ну, прости-прости, что я тебя назвал,
а ты посторонился.
я тебя люблю, прохожий мой, —
как зерно твое бежит из клюва,
как ты ходишь, как качаешь птичьей головой,
как скрипит во тьме твоя обува.

«они все проходят через рамки металлоискателей...»

они все проходят через рамки металлоискателей,
не задерживаясь, ускользя, —
площадь света, безлюдна.
и одетые по форме не знают перед кем извиниться,
кому рассказать, что больше нет государства,
что взор обращенный истаивает, утратив нить подозрения.
красота беспощадна, пойдем домой, — говорит один,
но речь пуста, и прежние связи избыты.
они проходят через рамки металлоискателей,
не задерживаясь, ускользя, —
свет от света, бога истинна от бога истинна.

«скоро меня встретят —...»

скоро меня встретят —

страшная маленькая природа,
извини-извини деревьев,
птицы в разбитую осень окна.

скоро меня встретят
талые сады благодати,
весны полногрудые развалины,
тихоплавное государство.

так и идти к уже настоящему другу,
кто бесплотен и равен,
кто не знал, говорит, твое время войны,
а только мерцание, только мерцание

«...и вот, да, и приходит, и говорит, и темница слагается...»

...и вот, да, и приходит, и говорит, и темница слагается,
и вот она уже – бабочка калек —
пишет узелками над городским, морским, детским,
над помойкой, троллейбусом,
над женщиной в оранжево-черной немоте лета, над трав глазами,
над его внятным возрастом, в котором
голос преувеличивает боль.

Ольга Баженова

«Дробленный, пегий, пергидрольный...»

Дробленный, пегий, пергидрольный
путь, снеголед перестрадальный,
вся соль,
весь тусклый блеск стекольный,
а дальный.

Шевелящийся шестипало,
проеденный аж до костей.

Сон шевелящийся мозольный.

И если в грануле асфальта
облизанная оскорбинка,
даль, вставши полубоком,
даль та —
сама отставленная спинка.

А глянешь — вон он в полушубке.

Как карты грязные, гадальный,

мучительный и лучевой,
обросший шерстью кочевой,
все же осевший и покатый,

в белой брошюрке,

валяющийся на ветру,

не могущий уйти по шпалам,
не различающий мастей

(а волок — облачный, камвольный),

в глупой кошурке
с бедным и хитрым, умным лицом,
бегучей серой жизни гонцом,

а глянешь — дальный:
вон он в размытом полушубке
стоит беспомощный и жуткий.

Кандальный?

Весь кусковой,
а выданный-то головой.

Еще гадательный, гадальный...

«цериевый блеск горбов морских...»

цериевый блеск горбов морских:
царский ветер скифов,
и валких нецинкованных гробов,
и плах морских
(и не слабо!) —

в море умахённое тоски (море масляное)
зыблемых немирных скирд
не плавит,

время царско,
знать, не платит

«СЛЫШЕН...»

слышен
ветер, голос —
сухой бесплотный бросок ветра,
вычерствевшего по мере воли, —

выбравший кирпич и лесок,
все легкое поле,
летную кость, плотную ость,
державший легкую черствую пропасть,
иногда на ее свинцовом дне — солнце,
чаще — ничего, только легкость, легкость:

ни крошки ее черствого вина
(а каково оно —
как лес, как леска?
как мех вершин деревьев?),

хотя ничто здесь — не по вере моли,
что превращается — и не грызет

«И ласточки – ресницы Бога?.. —...»

И ласточки – ресницы Бога?.. —
Нет, с поперечной полосой.
Но им тепло и неглубоко
в глубоком небе... Дождь босой
чуть тронул – не пошел. А сверху
высоки серые клубы,
не сны, не днища денной верфи,
не купол ангелов, не рвы —
так... чуть серее крыльев стерха,
нежны, далеки и грубы...

«к жестким углам – черного мира...»

к жестким углам – черного мира
здешних братьев – деревьев и трав —
углам черного мига —

к ним время пришло:
в миг время пришлось,
сотлилось, содлилось,
в коре
скороталось,
черно,
такое время классифицируют по размеру,
длиннопламенный уголь мелкий орех,
длиннопламенный рядовой, длиннопламенный, плита
крупная и иные,
нельзя распустить (по домам),
с веток сбить, развернуть,
только сжечь
исчезающий пламень,
глубина его покупная,
пламенное рядно,
где стволы по плечи
(в земле),
где ветви в угле,
где ноги, приведшие к камню,
где лица, глядящие в воду,
эта черная вещь,
к ней

«вразброс по облакам – звери какой-то зари...»

вразброс по облакам – звери какой-то зари,
рыщущие, беззвучно бегающие везде,
«ворон?...» – звезда подлетает к звезде —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.